Рождение Сокольника, отъезд и бой его с Ильей Муромцем

А да ко тому было ко морю, морю синёму,
А ко синёму как морюшку Студёному,
Ко тому было ко камешку-ту ко Латырю,
А ко той как бабы да ко Златыгорки
А к ней гулял-ходил удалой ведь доброй молодець,
А по имени старой казак Илья Муромець.
Он ходил-гулял, Илеюшка, к ней двенаццэть лет,
Он ведь прижил ей чадышко любимоё.
Он задумал, стары, ехать во чисто полё —
Он ведь стал где Златыгорки наговарывать,
Наговарывать, как крепко ей наказывать,
Оставлял он ведь ей ноньче свой чудён крес<т>,
Он ище оставлял с руки злачен перстень:
«Уж ты ой еси, баба да всё Златыгорка!
Если сын у тя родицьсе — отдай чудён крес[т];
Если дочь у тя родицьсе — отдай злачен перстень!»
А поехал тут старой казак во чисто полё.
Много-мало тому времени минуицьсе —
А от той-де от бабы от Златыгорки,
От ней рожаитсэ молоденькой Сокольницок.
Он не по годам ростёт, Сокольник, — по часам:
Каковы-то люди в людях во сёмнаццать лет,
А у нас был Сокольницёк семи годов.
Ишше стало Сокольнику двенаццэть лет —
А тут стал выходить да на красно крыльцо,
Он зрить-смотреть стал в трубочку подзорную:
Во-первы-ти, он смотрел нонь по чисту полю,
Во-вторы-ти, он смотрел нонь по синю морю,
Во-третьи-ти, он смотрел на соломя окатисто,
Во-последни, он смотрел на стольне Киев-град.
Он задумал съездить взять ведь крашен Киев-град.
Он ведь стал просить у маменьки благословленьиця:
«Уж ты дай мне-ка, мать, благословленьицё

Мне-ка съездить, добру молоцьцю, на чисто полё!»
А даёт ёму маменька благословленьицё,
А даёт ёму родима, наговариват:
«А поедёшь, моё дитятко, во чисто полё —
А наедёшь ты в чистом поли на старого:
А борода-та у старого седым-седа,
А голова-та у старого белым-бела,
А под старым-то конь был наубел он бел,
Хвост-от, грыва у коня была черным-черна —
До того ты до старого не доежживай,
Не доежживай до старого — с коня скаци;
До того до старого ты не дохаживай —
А тому где старому низко кланейсе:
А ведь тот тибе старой казак — родной батюшко!»
А ведь тут ето Сокольнику за беду пришло,
За велику за досаду показалосе.
А снарежался тут Сокольник в платьё в цветноё,
Одевал он на себя сбрую богатырскую,
Выводил тут Сокольничок добра коня.
Он седлал-уздал, Сокольничок, добра коня:
Он на коничка накладывал сам потнички,
Он на потнички накладывал всё войлучки,
Он на войлучки — седёлышко черкальскоё
О двенаццэти под[п]руженьках шелковых-е,
Он тринаццату подпругу — церез хрибётну кость,
Церез ту церез сте<п>ь лошадиную.
Тут заскакивал Сокольник на добра коня.
А не видели, Сокольник как на коня скоцил,
Только видели, Сокольник как в стремяна ступил.
А не видели поезки богатырьское,
Только видели: во полюшки курева стоит,
Курева где стоит — да дым столбом валит.
А тут выехал Сокольник на чисто полё —
Он и стал по чисту полю розъежживать.
Он и ездит во поли, потешаицьсе,
Он тотарьскима утехами забавляицьса:
Он и свищот копьё своё по поднебесью,
Он и правой рукой бросит, левой подхватит,
Он ведь сам по копейцю приговарыват:

«Уж я коль лёкко владею нонь тобой, копьё, —
Столь лёкко мне повладеть старым казаком!»
А по утрицьку-утру было ранному,
По восхожому солнышку как было красному
Выходил тут стары казак из бела шатра.
Он зрил-смотрел во трубочку в подзорную:
Он, первы-ти, смотрел на стольне Киев-град,
Во-втори-ти, он смотрел да по чисту полю —
Он завидял во чистом поли неприятеля.
А да заходил тут старой казак во белой шатёр:
«Уж вы ой еси, удалы добры молоцьци!
А готово-те спать, да вам пора ставать,
А пора вам ставать — дак время ехати,
Уж нам ехать ведь надо во чисто полё:
В поли ездит есь удаленькой доброй молодець.
У нас ехати Ивашку Долгополому —
У нас то было дитятко едрёноё,
А едрёно оно дитятко — непроборноё:
Понапрасно погубит свою буйну голову.
У нас ехать Олёшеньки Поповичу —
У нас то было дитятко несильнёё,
Умом-раз[ум]ом дитятко заплывьциво:
Понапрасно погубит свою буйну голову.
У нас ехать Добрыни сыну Микитичу —
У нас то было дитятко едрёноё,
А едрёно было дитятко-то вежливо,
Было вежливо дитятко, очесливо:
Он и можот добра молоцьця принаехати,
Он и можот ёго да приобъехати,
Он и можот добру молоцьцю и цесь воздать!»
Тут и стал где Добрынюшка снарежатисе:
Надевал он на себя латы кольцюжныя,
Надевал он где платьцё-то цветноё,
Надевал он на сибя сбрую боґатырьскую —
А пошол тут Добрынюшка из бела шатра.
Выходил тут Добрыня из бела шатра,
Он седлал-уздал, Добрынюшка, добра коня,
А заскакивал Добрынюшка на добра коня —
Он поехал, Добрыня, во чисто полё.

Выежжал тут Добрынюшка на чисто полё,
Он наехал Сокольника во чистом поли.
Он наехал ёго, да приобъехал же,
Он соскакивал, Добрынюшка, со добра коня,
Он тому где молоцьцю сам низко кланялса:
«Уж ты здрастуй, удаленькой доброй молодець!
А которого ты города, коей земли?
А которого оцьця ты, коей матери?
Тибя как, молодець, нонь именём зовут,
Тибя как величают по извотчины?
А куда ты нонь едёшь, куда путь дёржишь?»
Отвечал тут удалой доброй молодець:
«Уж я еду к вам на славной крашен Киев-град:
Уж я руських богатырей повысмотрю,
Я на сабельку богатырей повырублю,
На бумажечку богатырей вас повыпишу,
Я на быстру на реченьку повысвищу,
Уж я старого казака конём стопчу,
Я Владимеру-князю голову срублю,
А кнегину-ту Опраксею за себя возьму,
Уж я Киев-от город весь огнём сожгу,
Уж я церкви-ти Божьи все под дым спущу!»
А тут заскакивал Добрынюшка на добра коня,
А поехал Добрыня ко белым шатрам.
А приехал Добрынюшка ко белым шатрам,
Заходил тут Добрынюшка в белой шатёр,
Говорил тут Добрыня таково слово:
«Уж ты ой еси, старой казак Илья Муромець!
Уж там ездит в поли молодець — не моя чота,
Не моя чота ездит, не моя ровня.
А да от того ле он от моря, да моря синёго,
Он от синёго ведь морюшка Студёного,
От того он от камешка от Латыря,
Да от той он от бабы от Златыгорки,
А зовут ёго молоденьким Сокольником.
Он ведь едёт к нам на славен крашен Киев-град,
Он и хочот нас, богатырей, повысмотреть,
Он на сабельку, богатырей, нас повырубить,
На бумажечку богатырей повыписать,

Он на быстру на реченьку повымётать,
Тибя, старого казака, конём стоптать,
А Владим[ер]у-князю голову срубить,
А кнегину-ту Опраксею за себя взамуж взять,
Хочот Киев-от город весь огнём сжегчи,
А как церкви-ти Божьи все под дым спустить!»
А тут-де старому за беду пришло,
За велику за досаду показалосе.
Тут и стал где стары казак снарежатисе,
Поскоре того Илеюшка сподоблятисе:
Надевал он на себя латы кольцюжныя,
Надевал на себя он платьё цветноё,
Он и брал с собой сбрую всю богатырскую.
А пошол тут старой казак из бела шатра,
А седлал-уздал стары казак добра коня,
Он поехал, старой казак, в чисто полё,
Он наехал Сокольника на чистом поли.
Заревел тут Сокольник по-звериному,
Засвистел тут Сокольник по-соловьёму,
Зашипел тут Сокольник по-змеиному —
Тут и матушка сыра земля потряхаласе,
А сыры-ти тут дубы погибалисе,
А вёршиной за комель заплёталисе,
А сухи-ти ведь дубы поломалисе,
У Илеюшки доброй конь пал накарачь.
Он и бил, стар, коня нонь по крутым бедрам,
Он и сам ко коню, стар, приговарыват:
«Уж ты ой еси, конь мой — травяной мешок!
Не слыхал ле ты порёву звериного,
Не слыхал ле ты пошипу змеиного,
А того где ты свисту соловьиного?..»
У Илеюшки конь тут осержаицсэ —
От сырой земли конь дак отделяицсэ.
Он наехал Сокольника на чистом поли,
Он наехал ёго и приобъехал же,
Он и сам говорил, стар, таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
Не застрелил ясна сокола — теребишь же;
Не убил добра молоцца — ездишь-хвастаёшь!»

А не две тут грозных тучи сокаталосе, —
А два сильних богатыря соежджалосе.
Они съехались на сабельки-ти вострыя —
У их востры-ти сабли пощорбалисе:
Они тем боём друг друга не ранили.
Они съехались на копья брусаменьчаты —
По насадочкам копья повертелисе:
Они тем боём друг друга не ранили.
Они съехались на палици боёвыя —
А боёвы у их палици поломалисе:
Они тем боём друг друга не ранили.
А скакали молочьчи тут со добрых коне[й]
А схватились крепким боём, рукопашкою.
А боролись они с утра день до вечора,
А со вечора боролись до полуночи,
Со полуночи боролись до бела свету —
А всёго они боролись трои суточки,
А по щасьицю тут было по Сокольникову,
По нещасьицю было по Илеюшкину —
Подкатилась у старого ножка правая,
Промахнулась у старого нога левая:
А тут падал-де старой казак на сыру землю.
А заскакивал Сокольник на белы груди —
Он не спрашивал не имени, не вотчины,
Не отечества не спрашивал, не молодечества —
Вынимат из-за налучья свой вострой нож,
Он ростегиват пуговки вольячныя —
Он и хочот пороть ёго груди белыя,
Он и хочот смотреть да ретиво серцо.
А ведь тут-де старому за беду пришло,
За великую досаду показал[ос]е —
А змолилса тут старой казак Илья Муромець:
«Уж ты ой еси, Спас да Многомилослив,
Присвята Мати Божья Богородича!
Не стоял ле я за веру православную?
Не стоял ле я за черкви-ти за Божия?
Не стоял ле за намастыри покрашоны?
Не стоял ле я за славен крашен Киев-град?
А сказали, що старому в поле смерть не писана,

А теперече старому, верно, смерть прыдёт:
Ты не выдай меня, Восподи, на чистом поли
А поганому тотарину на поруганьё!»
А у старого силочки где прыбыло,
А тут прыбыло силочки вдвоём-вт[р]оём,
А вдвоём-втроём прибыло — ровно впетером.
Он смахнул-свёрнул Сокольника со белых грудей,
Он заскакивал Сокольнику на белы груди,
Он и сам говорил да таково слово:
«Уж ты ой еси, удалой доброй молодеч!
А которого ты города, коей земли?
А которого оцьця, которой матери?
Тибя как, молодець, именём зовут,
Тибя как величают по отечесьтву?»
Отвечат тут удалой доброй молодець:
«Уж ты ой еси, старая старэ́льшина!
Я когда был у тибя ведь на белых грудях,
Я не имени, не вотчины не спрашивал,
Не отечества не спрашивал, не молодечесьва:
Вынимал из-за налучья свой вострой нож —
Я хотел у тя пороть да груди белыя,
Я хотел у тя смотреть ведь ретиво серьцо!»
Говорит ёму старой казак во второй раз:
«Скажи, молодець, как тя именём зовут?..»
Отвечал ёму удаленькой доброй молодець:
«Когда был я у тебя ведь на белых грудях,
Я не спрашивал не имени, не вотчины —
Я хотел твои пороть ведь груди белыя!..»
Говорил ёму старой казак Илья Муромець:
«А скажи ты, молодець, как тя именём зовут,
Тибя как величают из отечесьва?»
Отвечал тут малоденькой Сокольничок:
«От того же я от моря, моря синёго,
От синёго я морюшка Студёного,
От того я ведь от камешка-та Латыря,
Да от той я бабы от Златыгорки,
А зовут меня молоденьким Сокольником!»
А ставал тут стары казак на резвы ноги,
Он ведь брал где Сокольника за белы руки,

Становил он Сокольника на резвы ноги,
Цёловал ёго в уста он во сахарные,
Он и сам говорил таково слово:
«Уж как я тобе ведь нонь родной батюшко!»
Тут скакали молоцьци на добрых коней,
А поехали они тут ко белым шатрам.
А приехали они ко белым шатрам,
Соходили молоцьци тут во белой шатёр —
Они пили во белом шатри трои суточки.
А поехал тут Сокольник во чисто полё
Ко тому же он ко морюшку ко синёму,
Ко своей он к родимой-то ко матушки.
А завидяла ёго ведь мать родимая,
Выходила она ведь на красно крыльцо,
А стречала как Сокольника из чиста поля —
Она стретила Сокольника у красна крыльця.
Тут соскакивал Сокольницёк со добра коня,
Он сказнил ведь, срубил ей буйну голову.
Много-мало тому времени минуицсэ —
Он поехал опять ведь во чисто полё,
Он наехал во чистом поли белой шатёр:
Тут и спит в шатре стары казак Илья Муромець.
Не зашол тут Сокольничёк во белой шатёр:
Он и брал копьё своё-то ноне востроё —
Он кинал ёго старому во белы груди.
И прилетело копьё старому ноньче в чудён крест —
И спробудилса тут старой казак Илья Муромець.
Он выскакивал, стары казак, из бела шатра,
Он хватал где Сокольника за чесны кудри,
Он метал ёго над вышину небесную,
Он мётал где Сокольника — не подхватывал.
Тут и падал Сокольник на сыру землю...
Да и тут-де Сокольнику славы поют,
А славы поют Сокольнику — старины поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 25 июля (первая половина текста), 27 июля (вторая половина) 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чу́пова Ивана Алексеевича, ок. 30 лет. Напев былины записан на фонограф от Ивана Алексеевича и Афанасия Алексеевича Чу́повых.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.